

ЛИНСИ
СЭНДС

*Очаровательная
негодница*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С97

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Lynsay Sands

THE BRAT

Перевод с английского В. Сухановой

Компьютерный дизайн Э. Кунтыш

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения литературных агентств
The Bent Agency и Andrew Nurnberg.

Сэндс, Линси.

С97 Очаровательная негодница : [роман] / Линси Сэндс ; [перевод с английского В. Сухановой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-189052-0

Леди Мюри в десять лет осталась сиротой — ее родителей унесла оспа, и с тех пор девочка живет при дворе короля, своего крестного отца, который любит ее как родную дочь. Однако другим придворным дамам не по душе такое внимание, и они начинают издеваться над девушкой. Та находит хорошее решение — устраивать сцены со слезами и криками каждый раз, когда ей что-то не понравится, и скоро к ней приставать перестали, однако прозвали Негодницей.

Но прошли годы, и вот Негоднице настала пора выйти замуж — она и сама желает супруга и детей. Но кто захочет жениться на девушке, которой боится сказать слово поперек даже сам король?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Lynsay Sands, 2007

© Перевод. В. Суханова, 2024

ISBN 978-5-17-189052-0

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Глава 1

Сентябрь 1351 года

Балан заерзал на стуле и попытался расправить плечи, но его синий дублет был тесноват и сковывал движения, его шили на человека менее крупного телосложения. Дублет перешел Балану в наследство от отца. Это была парадная одежда, которую отец Балана всегда надевал, отправляясь ко двору. Но с тех пор минули годы, ткань выцвела, а местами сильно потерялась. Тем не менее это был лучший наряд в гардеробе Балана. У него, конечно, имелась и другая одежда, которая сидела на нем намного лучше, чем отцовский дублет, но вся она находилась в еще более плачевном состоянии.

— Ты только посмотри на Малкулинуса — скалится, как дурак, — с отвращением заметил Огсуд.

— Это он над нами смеется, — мрачно сказал Балан. — Или, точнее, над тем, как мы одеты.

— Тогда он и в самом деле настоящий дурень, — фыркнул Огсуд. — Посмотрел бы лучше на себя в зеркало. Малкулинус в своем наряде похож на павлина. Вот скажи, ты бы надел алый уппеланд поверх зеленого дублета с фиолетовыми отворотами? А потом еще добавил к этому облачению синюю перевязь с золотыми помпонами? — Он покачал головой. — У этого человека нет вкуса. Он выглядит полным идиотом. Даже

мы в нашей поношенной одежде не так смешны, как он в столь вычурном наряде.

Балан хмыкнул. Хотелось бы ему, чтобы это было правдой. Но, к сожалению, он опасался, что они с Осгудом в глазах других гостей короля выглядят не лучшим образом. Внешний вид выдавал их с головой: они были бедными рыцарями, явившимися сюда в поисках богатой невесты, чтобы спасти родной Гейнор от тягот суровой зимы.

— Малкулинус — напыщенный болван, — не унимался Осгуд. — Я слышал, он дублет подбивает войлоком, чтобы казаться шире в плечах. Да и воин из него никудышный! Не появляется на рыцарских турнирах, не участвует в сражениях на копьях и тренировочных поединках. Мы с тобой владеем воинским искусством, а он — только золотом отца. Это все, что у него есть.

Балан не стал комментировать высказывания кузена, поскольку слышал в его голосе нотки зависти. Осгуд, судя по всему, чувствовал себя среди изысканно одетых дворян так же глупо и неуютно, как и он сам. Они были похожи здесь на бедных родственников.

— Но, по крайней мере, у нас места почетнее, чем у него, — добавил Осгуд, пытаясь подбодрить себя.

Балан слабо улыбнулся, увидев, как кузен выпятил грудь. Их местам за столом завидовали, пожалуй, все присутствующие, но они заслужили их кровью, потом и преданностью королю. Балан и Осгуд последние несколько лет провели в походах, сражаясь против французов за короля Эдуарда. После захвата Кале, когда чума поразила Англию, они застряли во Франции, и это, вероятно, спасло их от смертельной болезни, которая дома свела в могилу многих родственников.

Чума унесла треть, а некоторые говорили, что почти половину населения Англии. Вернувшись домой, Балан обнаружил, что его владения обезлюдели и в них царит хаос.

— Малкулинус наверняка завидует нашему положению за столом, — с нескрываемой гордостью заявил Осгуд. — Нас посадили так близко к королю, что мы сможем услышать каждое его слово. Это прекрасная награда за нашу верность.

Балан только хмыкнул. То, что было задумано как награда, на деле больше походило на наказание. Их как будто выставили напоказ, чтобы каждый видел, как бедно они одеты. Что касается почетных мест за столом, то кузены действительно могли бы, наверное, услышать не только каждое слово, но и дыхание короля, поскольку сидели третьим и четвертым от него — или, точнее, от его кресла, которое пока еще пустовало.

Едва Балан успел подумать об этом, как двери с грохотом распахнулись и Эдуард III вошел в зал. В свои тридцать с небольшим король был высок и статен; облаченный в роскошные одежды, он выглядел поистине неотразимо.

— Роберт! — рывкнул Эдуард, садясь за стол.

— Слушаю, сир, — с готовностью отозвался подбежавший к нему слуга.

— Приведи сюда Мюри! — приказал король.

Вопреки ожиданию Балана, слуга не бросился сразу же выполнять приказание Эдуарда, а некоторое время колебался с выражением тревоги на лице.

— Ты что, не слышал меня, Роберт? — строго сказал Эдуард и повторил: — Приведи сюда Мюри!

Нервно сглотнув, слуга отвесил поклон и попятился, чтобы выполнить королевский приказ.

Балан и Осгуд переглянулись. Они слышали рассказы о прекрасной Мюри, крестнице короля, которую тот любил и баловал. Говорили, что она потрясающе хороша собой: ярко-голубые глаза, золотистые волосы и милая улыбка. Говорили также, что король был очарован ею с первого взгляда и души не чаял в девочке с тех пор, как она — еще совсем крошкой — появилась при дворе после смерти родителей, лорда и леди Сомердейл.

А еще говорили, что король ужасно избаловал ее и с девочкой не было никакого сладу. За несносный вздорный характер Мюри при дворе прозвали Негодницей. Судя по реакции слуги на, казалось бы, обычное распоряжение короля привести к нему воспитанницу, придворные сплетни были правдой.

— Беккер! — рявкнул Эдуард, и к нему быстро подошел его советник.

— Слушаю, сир, — промолвил он, с опаской глядя на своего господина. — Что-то не так?

— Вот именно! — прорычал Эдуард, а затем торжественно объявил: — Моя супруга решила, что нам пора выдать Мюри замуж.

Советник был хорошо вышколен и поэтому реагировал сдержанно. Слегка приподняв бровь, он тихо выдохнул:

— О боже...

— Да, сейчас самое время помолиться, — пробормотал Эдуард. — Вряд ли моя крестница с радостью воспримет эту новость.

— Боюсь, вы правы, сир, — осторожно согласился Беккер.

Выражение лица короля было мрачным.

— Тем не менее ваша крестница давно достигла брачного возраста, сир, — продолжал Беккер. — Возможно, ей действительно пора замуж.

— Это правда, — пробормотал Эдуард, — вот почему у меня не было шансов победить в споре с женой и убедить ее отложить этот вопрос.

— Хм-м, — задумчиво протянул Беккер. — Что ж, возможно, мы зря опасаемся, сир. А что, если леди Мюри уже готова к замужеству? Как я уже сказал, она давно достигла того возраста, в каком девушки обычно выходят замуж. Наверняка леди Мюри понимает, что рано или поздно ее ждет та же участь, и уже смирилась с этим.

— Не говори глупостей, — отрезал король. — Мы всю жизнь потакали ее капризам, давали все, что ее душе было угодно, и никогда не заставляли делать то, чего она не хотела. Поэтому вряд ли ей в голову придет мысль, что все это однажды может вдруг измениться.

— Вы правы, милорд, — с печальным видом согласился Беккер. — Боюсь, леди Мюри не захочет выходить замуж. Во всяком случае, она не раз говорила об этом.

Эдуард кивнул. Судя по всему, он был не на шутку расстроен.

— Нельзя сказать, что я с нетерпением жду предстоящего разговора, — признался он.

— Могу себе представить, сир, — посочувствовал ему Беккер.

— Мюри, конечно, очаровательный ребенок, но временами с ней бывает очень трудно...

— Это так, милорд.

Король Эдуард заерзал в кресле.

— Не уходи далеко, ты можешь мне понадобиться.

— Как пожелаете, милорд.

Осгуд схватил Балана за руку и взволнованно прошептал:

— Ты это слышал?

Балан задумчиво кивнул.

— Похоже, король наконец-то решил выдать Негодницу замуж.

— Да, — пробормотал Осгуд. — Она очень богата.

Балан с тревогой посмотрел на кузена.

— Ты же не думаешь, что я...

— Она очень богата, — перебив его, повторил Осгуд. — А нам как раз нужна богатая невеста, чтобы вернуть замку Гейнор былую славу.

К несчастью, чтобы спасти замок Гейнор от разорения, действительно срочно требовались деньги. Чума опустошила значительную часть Англии, включая Гейнор и прилегавшую к нему деревню. Половина слуг и жителей деревни погибли во время страшной болезни, а большая часть тех, кто выжил, бежали либо от страха, либо в поисках более счастливой доли. Богатые землевладельцы, обнаружив, что их собственные деревни опустошены, впали в отчаяние и предложили более высокую плату любому, кто согласится работать на них, чтобы заменить крестьян, которых потеряли во время чумы. И действительно, им удалось переманить в свои поместья многих выживших работников.

К сожалению, дела в замке Гейнор в последние годы складывались не лучшим образом. Отец Балана потратил уйму денег на устройство нового пруда для разведения рыбы. А лето перед чумой выдалось очень дождливым, что еще больше истощило ресурсы поместья.

К тому времени, когда разразилась болезнь, владельцы Гейнора оказались не в состоянии заплатить работникам за сбор урожая. В том году его основная часть сгнила на полях, что еще больше подорвало финансовое положение семьи. Оставшиеся в замке обитатели оказались в трудном положении.

Прокатившаяся по стране чума свела в могилу отца Балана вместе со многими другими земляками, и титул, замок, земли, горстка оставшихся верных слуг, а также все сопутствующие неприятности перешли по наследству к Балану. С тех пор все обитатели замка и деревни с надеждой смотрели на него как на человека, способного вернуть Гейнору былую славу и процветание.

— Нам?! Нет, ты хочешь сказать, — прошипел Балан, — что это мне нужна богатая невеста! Что я обязан жениться даже на мегере, чтобы спасти замок! Но ты спятил, если решил, что я хоть на мгновение допущу мысль о женитьбе на избалованной крестнице короля!

— Я понимаю, что это будет для тебя тяжелым испытанием, — с сочувствием признал Осгуд. — Но мы все должны быть готовы к самопожертвованию в это трудное время.

Балан нахмурился.

— Ты продолжаешь говорить «мы», но никаких «нас» нет. Это я, а не «мы», должен жениться на строптивой, взбалмошной девице!

— Я бы сделал это за тебя, если бы мог, — заверил его Осгуд с серьезным видом.

Балан недоверчиво фыркнул.

— Вряд ли эта девица такая ужасная, как ее описывают, — резонно заметил Осгуд, пытаясь зайти с другого конца. — Вы поженитесь, ты переспишь с ней,

а потом... потом будешь проводить время с нами, мужчинами, избегая соваться в замковые покои, насколько это возможно.

— А ты не подумал о том, что каждый вечер, оставшись с женой наедине, мне придется выслушивать ее упреки и нытье? — сухо спросил Балан.

— А ты займи ее чем-нибудь, — с ухмылкой посоветовал Осгуд. — С занятым ртом ныть не будешь... Думаю, эта сторона супружеской жизни тебе понравится. Говорят, крестница короля настоящая красавица.

— Нисколько не сомневаюсь, — заявил Балан. — Именно поэтому король всегда души в ней не чаял. Она явилась перед ним такая трогательная и невинная — с большими голубыми глазами и золотистыми кудряшками — и аккуратно обвела его вокруг пальчика. С тех пор он ни в чем ей не отказывал. О, эта девица настоящий *enfant terrible*! И именно поэтому я не женюсь на ней, — твердо заявил он, а затем воскликнул: — Боже милостивый, как ты мог предположить, что я соглашусь взять эту ведьму в жены! Недаром ей дали прозвище Негодница. Ты хочешь такую женщину притащить в Гейнор?

— Нет, но...

— Никаких «но»! — перебил его Балан и добавил: — Кроме того, какой бы взбалмошной ни была девушка, вряд ли ей понравится мой костюм. Да она рассмеется, когда увидит, как я одет! А король, со своей стороны, вряд ли захочет выдать крестницу замуж за владельца разорившегося поместья. Он прекрасно знает, что Гейнор находится в плачевном состоянии.

Осгуд нахмурился, он явно не учел этого, и теперь его грандиозный план трещал по швам.

— Нет, — мрачно продолжал Балан, — Эдуард, конечно, захочет лучшей доли для своей любимицы. Он выдаст ее замуж за самого богатого, самого красивого, самого могущественного лорда, а не за обнищавшего барона с огромным поместьем, но без гроша за душой.

— К сожалению, ты прав, — признал Осгуд.

— Конечно, прав.

Видя, что кузен сдался, Балан почувствовал облегчение. Но оно вскоре сменилось тревогой.

— Знаешь, выслушав твои доводы, я вдруг испугался, — снова заговорил Осгуд. — Боюсь, что в нынешних обстоятельствах ни один землевладелец не захочет выдать свою дочь за тебя. Нам будет нелегко найти невесту с хорошим приданым для возрождения Гейнора.

Кузены погрузились в мрачное молчание. Но тут внезапно раздался звук открывающихся дверей, и слуга по имени Роберт ввел в зал миниатюрную блондинку.

Балан затаил дыхание, впервые увидев знаменитую Негодницу. Они не встречались раньше. Балан не был придворным и присутствовал только на особых церемониях, как это требовалось от члена ордена Подвязки.

Девушкой по имени Мюри Сомердейл можно было залюбоваться. Знаменитые локоны золотистым ореолом обрамляли ее прелестное личико, на гостей смотрели большие глаза того же ярко-голубого цвета, что и платье, которое было на ней. Очаровательный, слегка вздернутый носик, нежные розовые щеки и полные сочные губы, которые внушали мужчине мысли о поцелуях и других плотских утехах...

Балан медленно выдохнул, наблюдая, как леди Мюри с безмятежным видом идет по залу. Сохранит ли она спокойствие, когда узнает, что ее хотят выдать замуж? Балан не мог не задаваться этим вопросом. Глядя на девушку неземной красоты, трудно было поверить, что она может в мгновение ока превратиться в исчадие ада, о котором ходили легенды при дворе.

— Добрый день, сир.

Балан едва заметно вздрогнул при звуке мелодичного голоса леди Мюри, когда она приветствовала короля. Он сделал над собой усилие, чтобы отвести глаза от красавицы и посмотреть на реакцию Эдуарда.

Король широко улыбнулся, но тут же нахмурился и сконфуженно потупил взор.

— Добрый день, Мюри. Надеюсь, ты хорошо спала? — спросил он, с виноватым видом пряча от нее глаза.

— Разумеется, сир, — ответила она с сияющей улыбкой. — Разве могло быть иначе? У меня самая мягкая постель в замке.

— Самая мягкая постель для самой утонченной леди, — сказал король.

Откашлявшись, он огляделся вокруг. Эдуард выглядел несколько подавленным, хотя еще ничего не произошло — он всего лишь обменялся с крестницей приветствиями.

— Вы хотели о чем-то поговорить со мной, сир? — спросила Мюри, когда король замолчал и стал оглядывать зал с таким видом, как будто искал выход.

Вздохнув, он наконец взглянул на Мюри и открыл рот, собираясь что-то сказать, однако тут же закрыл его. Повернувшись, король раздраженно махнул рукой мужчине, сидевшему рядом с ним.

— Встань, Абернати, уступи леди Мюри свое место. Я хочу поговорить с ней.

— Слушаюсь, сир.

Дворянин вскочил и отошел на несколько шагов от стола, а потом остановился и стал беспомощно ози-
раться вокруг с потерянным видом, явно не зная, куда
ему идти. Увидев это, Беккер подал знак Роберту, и тот
немедленно бросился на помощь к обескураженному
дворянину. Он повел его вдоль стола к свободному ме-
сту, бормоча на ходу заверения, что это временно, пока
король Эдуард не закончит разговаривать с крестницей.

Балан и Огсуд переглянулись, предвкушая инте-
ресное зрелище.

Король не торопился переходить к делу. Он хмы-
кал, что-то бормотал, произносил банальности, пока
леди Мюри наконец не спросила его:

— Вы чем-то обеспокоены, сир? У вас расстроен-
ный вид.

Эдуард хмуро уставился на стол, а затем взглянул
на Беккера, как будто просил его о помощи. Советник
немедленно подошел к королю.

— Вы желаете, чтобы я сообщил леди Мюри о ва-
шем решении, сир? — со смиренным видом спросил
Беккер.

Эдуард с облегчением кивнул.

— Да.

— Благодарю вас за оказанную честь, сир, — сказал
Беккер и повернулся к леди Мюри: — Я уполномочен
сообщить вам, миледи, что король принял решение
выдать вас замуж. Его величество хочет, чтобы вы
вступили в брак и завели свою семью.

К изумлению Балана, Мюри, услышав эти слова,
сначала и бровью не повела. Казалось, она была даже

приятно удивлена этой новостью. Однако через пару мгновений уголки ее губ опустились и она нахмурилась.

— Это шутка такая, Беккер? — с недовольным видом спросила девушка. — Король знает, что у меня нет ни малейшего желания выходить замуж и покидать двор. Зачем ему принимать подобное решение? — Она прищурилась, глядя на незадачливого советника. — Или вы полагаете, что его величество больше не испытывает теплых чувств ко мне, своей дражайшей крестнице, и хочет отослать меня подальше, с глаз долой?

Эдуард издал что-то очень похожее на стон. Судя по всему, это было признаком начала скандала.

— О, конечно нет, миледи, — быстро пробормотал Беккер, который славился при дворе своей изворотливостью. — Вы и его величество, несомненно, привязаны друг к другу. И хотя всем нам будет тяжело расставаться с вами, его величество прежде всего печется о вашем благе.

Леди Мюри, казалось, приготовилась уже в знак протеста оглушительно завизжать на весь зал, но голос Эдуарда остановил ее.

— О боже, Мюри! — воскликнул он, и девушка, закрыв рот, повернулась к нему. — Это Филиппа решила, что ты должна выйти замуж. Она настаивает на своем и не поддается на уговоры. Филиппа говорит, что я веду себя крайне эгоистично, удерживая тебя при дворе и не давая тебе выполнить свое предназначение. Я, по ее словам, лишая тебя семейного счастья — мужа и детей. Мне жаль, дитя мое, но Филиппа не отступит от принятого решения. Если же я буду спорить с ней, она сделает мою жизнь невыносимой, превратит ее в кошмар. — Эдуард сделал паузу и, оглядевшись по

сторонам, нахмурился. Он понял, что многие услышали его слова, которые не предназначались для ушей посторонних. Поэтому он добавил, повысив голос: — Я король, и мое слово — закон. Ты выйдешь замуж, и точка!

Мюри некоторое время молчала, глядя на него, — казалось, она не знала, что ответить, — а потом внезапно закрыла лицо руками и расплакалась. Это был не тихий женский плач, а громкие надрывные рыдания. Можно было бы подумать, что девушка притворяется, пытаясь вызвать к себе жалость, но Балану эти слезы показались искренними.

Судя по всему, король тоже не усмотрел в поведении Мюри притворства. Балан внимательно наблюдал за ним. Эдуард, казалось, не был удивлен столь бурным проявлением эмоций — скорее всего, он уже давно привык к истерикам и смирился с подобным поведением крестницы. Возможно, ему даже льстило то, что Мюри столь бурно выражает свое нежелание покидать его. Во всяком случае, было ясно, что подобные сцены не раз разыгрывались на его глазах по различным поводам.

Леди Мюри продолжала громко рыдать в течение нескольких минут, и все присутствующие с ужасом наблюдали за происходящим.

— Ну-ну, — наконец стал успокаивать крестницу Эдуард, похлопывая ее по спине. — Я знаю, разлука с нами будет для тебя нелегким испытанием... Поверь, мы тоже будем скучать по тебе... Не убивайся так, дитя мое, ты можешь заболеть.

Слова утешения, которые произносил король, были едва слышны, их заглушали душераздирающие вопли девушки, которая продолжала рыдать, раскачи-